

Наука и искусство также необходимы для людей как пища и питье и одежда, даже необходимѣе¹⁾.

Но необходимыми дѣлаются они будучи истинными, будучи во вторыхъ, поставлены совершенно въ иныя условія социальнаго пользованія ими чѣмъ нынѣ. Нынѣ же они приносятъ неисчислимый вредъ. Здѣсь трагическая черта нашей дѣйствительности, пропитанной наукой и искусствомъ, которыя могутъ сдѣлаться благословіемъ чловѣчества, а становятся какъ бы его проклятіемъ.

Гдѣ же выходъ?

Онъ простъ и въ томъ, чтобы наука перестала быть ложной наукой, сдѣлалась бы наукой истинной, а это значитъ, чтобы наука истинная служила всѣмъ, а не только „верхнимъ 10.000“. Это значитъ чтобы истинная наука объяснила каждому чловѣку, что ему надо дѣлать для того, чтобы не могло быть людей голодныхъ или лишенныхъ возможности пользоваться землей, на которой они родились, чтобы не было женщинъ, отдающихъ на поруганіе свое тѣло, чтобы не было соблазна, пьянства, алкоголя, табака, чтобы не было дѣленія на враждебные народы, не было бы убійствъ... и многого другого. Мало того, людямъ занятымъ истинной наукой надо будетъ уяснить, что надо дѣлать каждому че-

¹⁾ „Такъ что же намъ дѣлать. Гл. XXXVI. Когда рѣчь эта была уже подготовлена, мы съ чувствомъ удовлетворенія прочли въ статьѣ Г. А. Хирьякова (Русск. Вѣд. 1910 г., № 280) „Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ“ подтвержденіе нашего взгляда на лейтъ-мотивъ отношенія Л. Н. Толстого къ наукѣ. Г. А. Хирьяковъ приводитъ нижеслѣдующія слова великаго писателя, сказанныя имъ въ разговорѣ съ однимъ изъ близкихъ людей еще въ 1893 году. Г. А. Хирьяковъ говоритъ: Слова эти были мною тогда же записаны, и если запись эта и не буквально точная, то за точную передачу мысли я исполнѣ могу ручаться.

„Когда общественная жизнь,—сказалъ Толстой,—построена на любовныхъ, братскихъ началахъ, и наука и искусство служатъ всѣмъ людямъ одинаково, тогда имѣютъ полное право на существованіе и картины Рѣпина, и философскій журналъ Грота, и романы Толстого. Но если этого нѣтъ, если наука и искусство служатъ только небольшой кучкѣ счастливецевъ, тогда картины Рѣпина, журналъ Грота и романы Толстого являются безмѣрной роскошью, кондитерскимъ пирожнымъ среди голодающихъ“.